

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

Уже второй год живу недалеко от могилы Пастернака. Стыд сплошной: надо было бы еще год назад прийти на могилу поэта, литию прочесть (пропеть, прошептать). А не получилось. Не сложилось. Лень-матушка да суета-зараза.

Хотя в Париж ездил зачем? На кладбище Монпарнас ходил, на Пер-Лашез ездил, опять же. И потом – на Сент-Женевьев-де-Буа с перекладными добирался. Ведь не ради же Эйфелевой башни, ведь не ради. Что мне башня, и что я башне? Где бы ни был, что было главное в программе? Правильно: кладбище. Мертвые – они только условно мертвые. Трудно сказать, кто живет: сегодняшние живые или вчерашние мертвые. А кто кого мертвей? Оскар Уайльд или вчера похороненный парикмахер с бульвара Распай? Трудно сказать. Мертвые и живые сплелись воедино, и кто мертвей, а кто живей, сказать сложно. По мне – мертвые живее живых, а живые мертвее мертвых.

Но это – чисто «по мне». И я всегда это чувствовал, потому ходил на кладбища раньше всех музеев, раньше всех выставочных залов. Раньше всего, что обтопано туристами, обхвалено, зацокано языками, сфотографировано, оплачено, растиражировано... И так далее.

Но вот случилось, сложилось, удалось. Поехали. В смысле – в Переделкино. Смех сказать – поехали. Полчаса – и на месте. Это разве «ехали»? Припарковались, нашли. Сторож все показал привычно, и мы двинулись. Как тысячи тех, что перед нами. Как тысячи тех, что после нас.

Вдоль забора, вперед, вперед. Справа будет могила Тарковского. Вот она.

Вот и лето прошло,
Словно и не бывало.
На пригреве тепло.
Только этого мало.

Все, что сбыться могло,
Мне, как лист пятипалый,
Прямо в руки легло,
Только этого мало...

Рядом крест с именем сына. Сам-то сын – во французской земле. И на могиле надпись: «Человеку, увидевшему ангела». Отче наш. Богородице Дево. Вечная память, и дальше, вдоль забора. Дальше. Стоп. Вот она – могила с белым обелиском. Здравствуйте, Борис Леонидович. Отче наш. Богородице Дево. Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего.

Дети разошлись по кладбищу. «Мама, а

Слово пастыря

почему здесь могилы без крестов?» А это, оказывается, целое поле коммунистов. Белые прямоугольные камни, как на каком-нибудь Арлингтонском кладбище. Все в ряд, в один рост. Идея симметрии и одинаковости. Идея никому ненужности сразу, как только сдохнешь. А ведь родились все до Революции. Крещеные. Даты рождения: 1893, 1899, 1902... И надписи: «Член партии с 1908 года», «Член партии с 1912 года»... Никто за них не помолится, как за Тарковского или Пастернака. И никакой горнист мунштук дудки своей пионерской к устам не приложит, чтобы дунуть 7 ноября во славу усопшего члена партии с 1902 года.

Ведь удивительно. Жил человек. Писал, переводил, грешил, каялся. Я – о Пастернаке. Теперь к нему приходят не поймешь кто и читают молитву Господню. Видимо, вымаливают человека хорошие книжки, написанные им. Даже и после смерти вымаливают. «Ты как думаешь, – сыну говорю, – вымаливают?» Он молчит. Мы с ним недавно читали о Квентине Тарантино, как тот в Москву приезжал и сразу – в Переделкино. А как приехал на могилу Пастернака, то попросил всех уйти. И потом сел рядышком с белым камнем, закрыл глаза и улетел в астрал. Надолго. Борис Леонидович, оказалось, его любовь с самой юности. Переводчики и журналисты тогда ждать умаялись. И все удивлялись: отчего этот режиссер «Бешеных псов» и «Криминального чтива» не в клубах зависает, а на кладбище уединяется?

Мы тогда с сыном покраснели до ушей. Культовые режиссеры, которых мы за замороженных считаем, любят Пастернака и вообще серьезную поэзию. А мы – лодыри – живем по соседству с великими и леним-ся пятую точку от дивана оторвать, чтоб прийти на могилу мэтра или в дом-музей.

Я пошел от могилы Пастернака вниз, а сын остался. Поразмышлять. О! «У меня звонил телефон. “Кто говорит?” – “Слон”». Чуковский рядышком. Тот, который разбил фамилию Корнейчуков на новое имя – Корней и фамилию – Чуковский. Здесь тоже почитали, что помнили: «Тут откуда ни возьмись – маленький комарик. И в руке его горит маленький фонарик...» «Муха, Муха-Цокотуха, позолоченное брюхо...» И так далее.

Мы поднялись опять к Борису Леонидовичу. Взгляд скользнул по красивой могиле неподалеку. Имя я не запомнил. Портрет покойника с черного камня на обелиске смотрел уверенно и серьезно. Над име-

нем было выбито: «Писатель». Надо же! И рядом еще пара очень назидательных строчек. Что-то вроде: «Я жил! Я творил! Помните!»

Жил человек. Не то что мы – прозябаем. Творил человек! Требуется, чтоб помнили. А рядом, в трех шагах всего, – белый камень с надписью: «Пастернак». Безо всяких: «Я горел! Я страдал! Не смейте забывать!» Кто подлинно велик, тому лишь нужно имя написать. Узнают. Вспомнился невольно диалог Суворова с Державиным. «Ты что мне на могиле напишешь?» – спросил Суворов. «Здесь лежит Суворов», – был ответ. «Помилуй Бог. Как хорошо!» – воскликнул непобедимый генералиссимус.

За этим анекдотом мы и направили стопы вверх по дорожке, на выход. Сколько еще могил есть на свете, возле которых нужно постоять, посидеть, помолчать, помолиться...

Панихида, вообще, в полном смысле слова – это заупокойное Всенощное бдение. Когда умирает, например, в монастыре монах или на приходе человек, и служат за него заупокойную вечерню, заупокойную утренью, заупокойную Литургию, то все это вместе – это, в общем-то, получается некая панихида – Всенощное бдение за человека. Мы такое служим редко, потому что наша степень церковности оставляет желать лучшего.

Лития – это краткий молебен, это тропари заупокойные: «Со духи праведных скончавшихся...», «Слава, и ныне...», «Помилуй нас, Боже...» Это всегдальная молитва за усопших, когда бы мы не захотели. Вот захочешь помолиться за усопших на могиле или после Литургии – служишь литию.

Парастас – это некая смесь с панихидой, сокращенное заупокойное богослужение. Мы путаем по именам панихиду с парастасом, потому что в полном смысле слова, панихида – это полное целокупное заупокойное богослужение за единоумершего. А вот то, что мы сейчас называем панихидой – это, в принципе, парастас. Это такое довольно длинное – длиннее, чем лития – заупокойное богослужение за одного или многих усопших. Оно может совершаться ежедневно, а может совершаться по субботам. Чаще всего – по субботам, потому что суббота – день поминовения усопших христиан, день молитвы Богу о том, чтобы души их во благих водворились. Здесь есть некое исторически сложившееся смешение понятий, но потихоньку мы это будем разгребать в нашей исторической жизни, в нашей литургической практике.

Протоиерей Андрей Ткачев

«Мы знаем из человеческого опыта, что быть любимым кем бы то ни было – матерью,

отцом, невестой – это значит стоять перед судом. Потому что быть любимым значит, что кто-то в нас увидел нечто достойное любви: величие, красоту, правду, чистоту, свет. И когда мы озираемся на себя и думаем о том, какие мы на самом деле, в собственных глазах или в глазах тех, которые нас не сумели полюбить, то мы стоим перед страшным судом нашей совести: я недостойн быть любимым!

И вот в этом отношении встреча с Богом является и величайшей радостью (подобно радости человека, которому кто-то – мать, невеста, жених – говорит: я люблю тебя), и вместе с тем судом, страшным, последним судом.

Но Бог, Который мне говорит: «Я тебя люблю», – это также Бог, Который способен вызвать в нас все самое светлое, самое истинное. Он не только Творец, Который когда-то создал мир, Он воссоздает нас Своей любовью, потому что Его любовь творческая, Он умеет вызывать в нас все, что есть самого благородного, великого, светлого, чистого, сильного. Он отдается нам в такой мере и так, что мы не можем – пусть простится мне такое выражение – Его обидеть, мы не можем Его унижить, так же, как не можем мы отнестись жестоко, грубо, бесцеречно к ребенку, который к нам подошел со всей открытостью, со всей простотой детской любви.

Бог великий, Бог, неприступный в Своей славе, делается уязвимым, беззащитным ребенком и говорит нам: «Я отдаюся вам – делайте со Мной, что сами захотите...»

И вопрос перед каждым из нас: а что же я делаю с Ним, с этой любовью Божией, которая мне дана, с этим Младенцем, Который рождается ради того только, чтобы быть измученным на кресте и умереть ради меня, лично, а не только ради человечества в целом?» (Митроп. Антоний Сурожский, 1914-2003).

«Крест без любви нельзя мыслить и представлять: где крест, там и любовь; в церкви вы везде и на всем видите кресты, для того, чтобы все напоминало вам, что вы во храме Любви, распятой за нас» (Прав. Иоанн Кронштадтский, 1829-1908).

«Один святой жизни человек в свое время сказал, что все мы являемся существенной ненужностью и никому, кроме Бога, не нужны» (Архимандрит Иоанн (Крестьянкин), 1910-2006).

Если Господь оставляет Свою благодать той Церкви, которая перешла на новый календарный стиль, может, Он ее оставляет и тем отдельным храмам, которые вопреки решению поместной Церкви, боясь прогневить Бога, от перехода на этот стиль отказались?

Если на человека напал зверь, то он инстинктивно подставляет ему свою руку, чтобы тот не впился в его горло и не загрыз его. Он знает, что его рука будет покалечена, но все-таки он может остаться живым. Новый стиль – это искажение порядка и устава богослужения, но не «смерть Церкви»; а раскол во имя старого стиля – сохранение руки ценой потери головы. Надо сказать, что в Греции, где введен новый стиль, некоторые приходы имеют разрешение служить по старому стилю, а весь Афон, находящийся в юрисдикции Вселенского Патриарха, придерживается юлианского календаря, – так что они и старый стиль сохранили, и в раскол не ушли.

3 года назад расстались с мужем после 19 лет совместной жизни. Ушел к молодой и энергичной. Был жуткий шок. До сих пор не могу оправиться. Как быть?

В псалтири написано: «Не надейся на князя, на сына человеческого», а в другом месте: «Всяк человек ложь». Кто слишком сильно надеется на человека, того часто ждет разочарование и психический шок. Желаю вам мужественно, по-христиански пережить это испытание, а будущее покажет – как и что. Молитесь и надейтесь.

Как вы относитесь к трудам (письмам и книге «Десятигласная духовноживая труба») афонского старца

Вопросы священнику

Иосифа Исихаста и к нему самому? Правильно ли мое отношение к его письмам как к одной из самых душеполезных книг святоотеческой литературы, которую полезно часто перечитывать; а к нему – как одному из величайших старцев 20-го века? Не знаете, канонизован ли он?

К старцу Иосифу Исихасту я отношусь положительно. Его книги написаны от непосредственного духовного опыта и поэтому глубоко действуют на душу человека. Я не слышал ничего о его канонизации. Не менее положительно отношусь я к другому афонскому старцу отцу Паисию, и советую вам прочитать его книги.

Может ли девушка стать женой будущего священника, если у нее до принятия крещения один раз была плотская близость с другим человеком?

По канонам такая женщина не может стать женой будущего священника. Но право икономии (смягчение канона) – в руках архиерея, к которому надлежит обратиться с этим вопросом.

У меня умерла бабушка и я решил читать литию, читаемую мирянином, дома или на кладбище (по Молитвослову) пока идут 40 дней. Правильно ли я поступаю?

В Молитвослове указан чин литии, совершаемый мирянами, значит, благословение для этого есть. Можно читать также Псалтирь с приложенными молитвами о упокоении усопшего.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

Новости Православия

02.12.2015. Между Кишиневской митрополией и Туристическим агентством Молдовы подписано соглашение о сотрудничестве. Документ был подписан митрополитом Кишиневским и всей Молдовы Владимиром (Кантаряном) и М. Карпом, генеральным директором Туристического агентства Республики Молдова. Митрополит Владимир выразил благодарность М. Карпу за активное участие в утверждении духовно-нравственных ценностей Православия, а также постоянную поддержку инициатив Молдавской митрополии.

10.12.2015. В Бишкеке открыт крупнейший в Центральной Азии православный храм. Чин освящения совершил глава Среднеазиатского митрополичьего округа, митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий. В церемонии приняли участие архиереи из Узбекистана, России, Таджикистана и Туркмени в присутствии представителей аппаратов президента и правительства Киргизии, а также дипломатических миссий.

13.12.2015. В Китае власти продолжают закрывать «домашние» церкви. Более 400 церквей потеряли кресты или были снесены в рамках антихристианской кампании.

15.12.2015. В одной из школ Нью-Йорка запретили упоминать Рождество и Санта-Клауса. Завуч школы призвал учеников и преподавателей «быть чувствительными к разнообразию семей».

16.12.2015. Папа Франциск отправил в отставку бразильского епископа за вождение автомобиля в нетрезвом виде. На покой отправлен епископ Паулу Серхио Мачадо, глава диоцеза Сан Карлоса.

«Райские хитора» и другие рассказы священника Ярослава Шипова

Продолжение. Начало в № 20 (308)

Надо признаться, что с чем-то подобным мне уже доводилось сталкиваться в районной администрации: все соотечественники и соотечественницы на мои приветствия отвечали испуганными кивками и прятались по кабинетам, и лишь узбек, волею неведомых обстоятельств ставший заместителем главы, искренне радовался моему приходу, угощал чаем и просил, чтобы «моя» простил людей, которые «совсем Бога забыл, один материальный пилюсофия знает». Со временем, однако, и народ пообвык, и узбек освоил отсутствующий в его наречии звук «ф», а то все было «геопизика» да «пиззарядка»...

Этот солдатик оказался татарин. Он тотчас вызвался меня подбросить, тем более что ехать им было почти по пути, вот только оставалось забить пару десятков скоб... Я хотел уже взять вторую кувалду, лежавшую на траве, но тут в единомвершье моих что-то дрогнуло: отстранив и меня, и татарина, они в несколько минут завершили мостостроительство...

Спустя год татарин этот встретился мне на похоронах своего тестя. Выяснилось, что он уже отслужил, женился на местной девушке и увез ее к себе на родину. Рассказал еще, что помогает мулле строить мечеть, а старшие братья-безбожники – запрещают. И вдруг спрашивает, кого ему слушаться: братьев или муллу?

– Часто ли, – говорю, – ходишь помогать?

– Раз в месяц.

– Попробуй ходить раз в неделю.

Обрадовался... А еще через год, приехав летом, он сам разыскал меня и сказал, что мулла велел ему во время отпуска по всем сложным вопросам обращаться к русскому батюшке.

На крыльце

Конец августа. Тихий, солнечный, по-осеннему прохладный день. Ни слепней, ни комаров, ни мух – только паутинки летают.

После службы мы со старым знакомым – настоятелем небольшого монастыря, приехавшим меня навестить, – ходили по грибы. На обратном пути заглянули в магазин – купить хлеба, а там обеденный перерыв. Сели на крылечко – ждем, отдыхаем.

Подождал хромой мужичок – инвалид военного времени. Поздоровался, примостился рядом на истертых досках. Потом по дороге из школы привернул учитель математики – молодой человек одинокого образа жизни. Сидим, молчим. Тишина.

Где-то вдалеке слабо затарахтел мотор. Громче, громче... Появляется мотоцикл с коляской. Веселый электрик, приветствуя, машет рукой. За спиной у него какая-то женщина, в коляске – удочки.

– Это приезжая, – говорит хромой, щурясь от папиросного дыма, – отпустиница.

– Она, по слухам, легкого поведения, – тревожится преподаватель.

– А для такого дела – особо тяжелого и не надо, – заключает хромой.

И опять тишина... По пыльной обочине бежит Барсик, тащит в зубах котенка. Увидев меня, останавливается, бросает котенка и мяукает неприятным голосом.

– Ну и чем мы его кормить будем? – спрашиваю я.

Барсик снова мяукает, подбирает котенка и бежит дальше.

– Что это он? – изумляется архимандрит.

– Да Нелькина кошечка от него родила, – объясняет хромой, – а Нелька – и сама шалопутная, и кошчонка ее, видать... Доверия к ним нет, он и забирает детишек на хозяйский кошт...

– А как кормить-то? – недоумевает архимандрит. – Котенок-то еще совсем маленький, грудной, наверное...

– Да никак, – отвечаю. – На какой-нибудь попутке отправим назад. Он их приносит каждый день, я каждый день возвращаю...

– Вот скажите, – вскидывается вдруг хромой, – как это вы в религию ударились?

– Да мы вроде и не ударялись, – надоед мне этот безответный вопрос.

Но отец архимандрит – богослов вдумчивый и обстоятель-

ный, а кроме того, в своем малолюдном монастыре от общения не переутомился.

– Господь каждому дарит веру, а мы отказываемся, как капризный ребенок, которому подносят ложку ко рту. Один раз смири упрямство, прими дар – и тебе откроется истина...

– Идеалистическая, – иронично вставляет учитель, – а мир – материален.

– Полагать, что существует только то, что можно пощупать, – и есть идеализм, – чеканит архимандрит. – Вера – это реализм. Она включает в себя представление о мире видимом и о мире невидимом. А истина – вообще одна: «Аз есмь путь, и истина, и жизнь», – сказал Господь наш Иисус Христос...

Это пространное заявление надолго погружает всех в состояние глубокой задумчивости. Мы смотрим в беспредельную даль неба, испещренную белыми полосами самолетных следов: над нами проходит воздушная трасса из Европы к Тихому океану. Когда-то мне довелось пролететь по этому пути: я видел из поднебесья речку, шоссе, свою деревню...

– А вот у меня еще вопрос, – снова учитель. – Вы говорите, что истина одна – Христос, а при этом христиане разделены на православных, католиков и так далее?..

– Это просто, – с готовностью отвечает архимандрит. – Те, кто остался при Кресте на Голгофе, называются православными. Некоторые решили, что не обязательно находиться на самой горе, когда под нею богатый еврейский город: спустились вниз, в харчевню, и оттуда смотрят на Крест. Это – католики. Другие вообще пошли в услужение торговцам и ростовщикам. Это, стало быть, протестанты...

– А, к примеру, свидетелей Иеговы где разместите?

– На ступеньках храма. Да они и вышли из ее дверей.

– Пусть так, а разногласия между самими православными по поводу календаря?

– Ну, кой-кто не выдержал долгого стояния у Креста и отступил на шажок – другой. А сербы и мы – остались. Заметьте: сербы и мы... Лишь наши Церкви отказались менять календарь, да и вообще сохранили в неприкосновенности заветы, переданные апостолами от Самого Христа. И это – главное. То есть дело не столько в цифрах и астрономии, сколько в преданности Христу. Так что, молодой человек, понятно вам, кого больше всех должны ненавидеть и те, кто убил Его, и те, кто сошел с Голгофы?..

Учитель хочет еще что-нибудь возразить, но хромому непонятности надоело, и он круто меняет ход разговора:

– Не знаю, дадут или не дадут пять буханок?

– А на кой вам столько? – спрашивает учитель.

– Как «на кой»? Для поросенка! – удивляется его несообразительности хромой.

– А-а, – кивает учитель, – ну конечно, для поросенка. Я тут как-то подсчитал, во что обходится вам центнер дрянного сала, произведенного из хлеба и молока: вышло, что можно на эти деньги съездить в Питер или в Москву, купить тот же центнер самых лучших копченостей да еще Третьяковскую галерею или Эрмитаж посмотреть. Я уж не говорю о затратах труда: каждое утро в пять вставать, готовить пойло, кормить, убирать хлев – это у вас никогда в счет не шло, вы себя, наверное, и за людей не считаете...

Хромой обиженно отворачивается и закуривает.

– Фантастические люди! – продолжает наш математик. – Никто из них сроду не пробовал молодой картошки: до сентября едят старую...

– Ну дак она еще растет, вес набавляет, – обиженно поясняет хромой.

– Вот-вот, – подхватывает учитель, – «вес набавляет»... Я завез сюда кабачки – хорошо растут почему-то, – так народ спрашивает меня, как я ем кабачки, если об них и бензопила зубья ломают? Говорю, не ждите, пока с газовый баллон вырастет, а мне в ответ: «Они же еще растут, вес набавляют»... Так и не едят: вырастят и – на семена, на следующий год снова вырастят – и снова на семена. Зачем?..

Никто из нас не может ответить.

– Хотя чем-нибудь интересовались бы, – обиженно продолжает учитель. – Я на уроке деткам рассказываю о полярных сияниях, которые зимой тут частенько бывают, а они даже не знают, что это такое. Родителей на собрании попросил выйти с детьми из дому – посмотреть, а мне отвечают: некогда – вечерами многосерийные фильмы...

– А чего оно есть – сияние это? – поинтересовался хромой.

– Ну вот, видите? – учитель горестно указал на него рукою.

– Не, ну чего – сполохи, что ли?

– Сполохи, сполохи, – успокоил я старика.

– А-а... Ну это, говорят, бывает... Правда, сам я ни разу не видел – врать не буду.

– Вот, – победно восклицает учитель. – А то еще по лесным опушкам – горы валунов: это ведь от древних цивилизаций, как в Шотландии...

– Это – от трактористов, – растерянно возражает хромой. – Они каждый год камни с полей вывозят...

– Точно? – учитель краснеет.

– Точно, – вынужден подтвердить я.

– Да ты не кипятишься, – успокаивает его архимандрит, – все будет нормально...

Наконец является продавщица. Покупаем хлеб, выпрашиваем пять буханок хромому и расходимся.

Барсик вылизывает чуть живого котенка, лежащего у закрытой двери, и взглядывает на меня. В который раз начинаю втолковывать ему, что мы не сможем выкормить его чадо, а Мурка эта, какой бы беззаботной она ни была, все-таки мамаша и имеет возможность для прокормления таких мелких детишек. Останавливаю проезжающий мотоцикл: электрик говорит, что вода высокая, клева нет, но, судя по его смущенному виду, отпустиница оказалась совсем не легкого поведения. И сидит она теперь не за спиной у него, а в коляске, с удочками, чтобы, стало быть, даже и не касаться ухажера. Вручаю ей котенка и прошу электрика поскорее свезти доходягу домой. Они уезжают. Барсик долго нюхает след мотоциклетных колес, а я смотрю на него и думаю: неужели опять побежит в село за котятками? Но нет: вернулся во двор.

– Не иначе, убедил ты его, – оценивающе произносит архимандрит.

И мы отправляемся жарить грибы.

Соборование

Уговорили меня военные лететь за шестьсот верст в таежное зимовье, чтобы причастить и пособоровать тяжело болящего. Случай, конечно, исключительный, и я сам сразу не мог понять, какое отношение имеют офицеры нашей дорожностроительной части – к промысловому, затерявшемуся на одном из притоков далекой реки, и каким боком ко всему этому касателен я. Выяснилось, что кто-то из командиров некогда побывал в тех краях на рыбалке, познакомился с охотником, а потом к нему летали и за красной рыбой, и за пушиной, из которой шили шапки и воротники своим женам. Мое же касательство объяснялось тем, что таежный человек этот был верующим и, заболев, стал требовать батюшку, а ближайшим из батюшек, как ни прикидывали, оказывался я. То есть, измеряя по карте, можно было отыскать священника и поближе, но доставить его к болящему – никакой возможности не было. А через наш район проходила нитка газопровода, тянувшаяся как раз из тех диких мест, и вдоль нее регулярно летали патрульные вертолеты. По всему выходило – надо лететь.

Рано утром, затемно еще, отвезли меня из деревни в аэропорт. Гляжу – стоит среди заснеженного поля Ан-2 на широких лыжах. Говорят, что все, мол, очень здорово получается: на перекладных вертолетах лететь было бы долго, а этот борт (все бывалые люди говорят именно борт, а не самолет) доставит меня вместе с каким-то оборудованием в далекий город, откуда до зимовья рукой подать. К тому же, говорят, борт этот – аж из самой Москвы и, стало быть, пилоты – мои земляки.

Взлетели. Сначала я все посматривал в окошко, угадывая знакомые деревни, потом пошли сплошные леса... Вспугнули стадо лосей. Они бросились напрямик через речку: лед проломился, однако лоси легко выбрались на другой берег и успокоились – мы уже пролетели над ними. Потом я задремал. Проснулся от крика: пилоты что-то громко кричали друг другу, ударили по рукам – наверное, спорили. В другой раз проснулся без всякого повода, посмотрел за окошко: опять гоним лосей – тех же самых, через ту же речку, но в обратную сторону. Пока я соображаю, по какой причине мы могли совершить столь неожиданный маневр, внизу открывается барачный ансамбль знакомого мне поселка. Ан-2 садится между двумя рядами воткнутых в снег сосенок, обозначающих взлетно-посадочную полосу, и скользит прямо к избушке диспетчера.

Продолжение следует

Православный календарь

20 дек., вс. – Неделя 29-я по Пятидесятнице. Свт. Амвросия, еп. Медиоланского (397). Прп. Антония Сийского (1556). Прп. Нила Столобенского (1554). Мч. Афинодора (ок. 304). Мц. Филофеи (1060) (Рум.). Прп. Иоанна, постника Печерского (XII). Прмч. Сергия (1917).

21 дек., пн. – Прп. Патапия (VII). Апп. от 70-ти Сосфена, Аполлоса, Кифы, Тихика, Елафродита, Кесаря и Онисифора (I). Мчч. 62-х иереев и 300 мирян, в Африке от ариан пострадавших (477). Мц. Анфисы в Риме (V). Прп. Кирилла Челмогорского (1368).

22 дек., вт. – Зачатие праведною Анною Пресвятой Богородицы. Пророчицы Анны, матери прор. Самуила (1100 до Р.Х.). Свт. Софрония, архиеп. Кипрского (VI). Прп. Стефана Новосиятеля (912). Сщмч. Владимира пресвитера (1919). Сщмчч. Василия и Александра (1937).

23 дек., ср. – Мчч. Мины, Ермогена и Евграфа (ок. 313). Свт. Иоасафа, еп. Белгородского (1754). Мч. Гемелла Пафлагонянина (ок. 361). Прп. Фомы (ок. 886-912). Блж. Иоанна (1503) и родителей его блжж. Стефана (1446) и Ангелины, Бранковичей, правителей Сербских.

24 дек., чт. – Прп. Даниила Столпника (489-490). Мч. Миракса (VII). Прп. Луки Столпника (970-980). Прп. Никона Сухого, Печерского (XII). Мчч. Акеспия и Аифала.

25 дек., пт. – Свт. Спиридона, еп. Тримифунтского, чудотворца (ок. 348). Сщмч. Александра, еп. Иерусалимского (251). Прп. Ферапонта Монзенского (XVI).

26 дек., сб. – Мчч. Евстратия, Авксентия, Евгения, Мардария и Ореста (284-305). Мц. Лукии (304). Прп. Арсения Латрийского (VIII-X). Прп. Аркадия Новоторжского (XI).

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: <http://pokrovka-tiras.narod.ru/>

Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7, бут. 27. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!